

КОНФЕРЕНЦИЯ: «МИР 2002: ВЫЗОВЫ И НАДЕЖДЫ».
Июнь 2002г., Юрмала, Латвия.

Ознобицев Сергей (Россия) – директор Института стратегических оценок

ПРИОРИТЕТЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПОСЛЕ 11 СЕНТЯБРЯ 2001 Г.

События 11 сентября – это не водораздел в приоритетах международной безопасности, а водораздел в нашем восприятии этих приоритетов. Дело в том, что, по моему глубококому убеждению, все 90–е годы мы не хотели видеть те процессы, которые происходили вокруг нас. И в этом, безусловно, фактор нашей общей вины, которая нас, во многом, и объединяет.

Напомню вам, что в американских ежегодных президентских документах «Национальная стратегия безопасности», других официальных источниках, имя Бен Ладана – как главного террориста, представляющего угрозу безопасности США упоминалось уже начиная с конца 90–х годов, по крайней мере. Отмечались также «победы», одержанные США над проявлениями этого терроризма. Победные реляции были оборваны 11 сентября, когда чудовищно проявилась та реальность, перед лицом которой мы, на самом деле, уже давно находились.

Сейчас мы, боюсь, с закрытыми глазами подошли к следующей пропасти – распространению оружия массового уничтожения, которое, в сочетании с «катастрофическим терроризмом», может дать еще более страшный эффект. Мы присутствуем уже при рождении «de facto» новых ядерных государств Индии и Пакистана. Хочу напомнить, что в течение долгих лет холодной войны это противостояние подогревалось, а ядерные программы поддерживались Советским Союзом и США. Уже в самые новейшие времена партнерства мы так и не стали свидетелями нового уровня партнерского поведения России и США, направленного на совместное предотвращение этой угрозы. То же можно отнести и к проблеме нераспространения в целом. Надеюсь, хотя бы, что мы будем в состоянии проявить больше ответственности и взаимодействия в отношении северокорейской ядерной программы.

Особенностями сентябрьских терактов является, в частности, то, что террористами впервые не было предъявлено никаких конкретных требований. Фактически до сих пор, на мой взгляд, этот террористический акт «не имеет обратного адреса». Вопрос: «А был ли Бен Ладен?» продолжает висеть в воздухе. Как сказала бы швейцарское правосудие: «доказательная база слаба».

Те действия, которые были предприняты затем в отношении Афганистана, сами по себе весьма позитивные и своевременные, угрозу «катастрофического терроризма» не снимают. Серьезного урона «Аль–Каиде» нанесено не было. Так что, первый акт антитеррористической пьесы исполнен хотя и громко, но, отнюдь, не мастерски.

Будущее же «виртуальной антитеррористической коалиции» и вовсе находится под угрозой. Я сильно сомневаюсь, что Россия, да и другие участники этой коалиции, также легко поддержат действия Соединенных Штатов, если они будут предприняты в отношении Ирака. Хочу подчеркнуть, что взятая линия на «исправление режимов» в странах, которые весьма произвольно выбираются Вашингтоном, имеет весьма и весьма косвенное отношение, как к ликвидации причин террористических актов, так и к предотвращению новых трагедий.

Терроризм, к сожалению, всеяден, он системен, он внимательно отслеживает действия спецслужб, ищет и находит слабые места в системе защиты общества. Устраивать показательные погромы тех или иных режимов гораздо проще (особенно когда на это есть средства), чем вести скрупулезную и не очень видимую для общества борьбу против реальных террористов и их группировок. Ведь об эффективности такой борьбы свидетельствует лишь один критерий – отсутствие новых террористических актов. Однако, следуя таким, единственно правильным путем, на большие дивиденды в глазах общественного мнения рассчитывать не приходится и поэтому в Белом Доме выбрали путь показательных дорогостоящих военных кампаний, которые пытаются представить национальному и мировому сообществу как реальную борьбу с терроризмом.

Возвращаясь к мотивам терроризма и к тому, как произошло 11 сентября, не могу не поделиться с вами своей точкой зрения о том, что мы становимся свидетелями не начала «войны цивилизаций», а драматического проявления противостояния различных образов жизни. Такой известный политик, как бывший министр обороны Соединенных Штатов Уильям Перри, в своей книге еще в 1999 г. писал, что роль мирового лидера делает США привлекательной мишенью для актов биологического и химического терроризма. Что и произошло. Однако никто тогда даже не принял к сведению столь авторитетный прогноз и мне кажется, что мало выводов делается и сегодня.

Каким образом выходить из этой ситуации? Создана антитеррористическая коалиция, которая имеет весьма неопределенный и, возможно, весьма временный характер, поскольку она основана на совместно пережитом ужасе и на искреннем человеческом желании что-то сделать, но системы в этих действиях пока что не видно. Как будет жить, или как будет выживать эта коалиция, во многом определяется тем, смогут ли Россия и Запад, Россия и США в первую очередь, наладить и поступательно развивать партнерские отношения.

Хочу в этой связи напомнить вам, что 11 сентября это отнюдь не поворот в отношениях между Россией и США, как сейчас говорят многие. Наш выбор был сделан несколько раньше. Еще в Любляне, летом 2001 г., президенты, как вы помните, посмотрели в глаза друг другу и договорились о переходе к партнерским отношениям.

Хочу, однако, подчеркнуть, что до Любляны наши национальные элиты или те, кто принимает решения, кто проводит в жизнь политику, привычно повернулись спинами друг к другу, настроившись на «холодный мир». И только встреча президентов, только весьма субъективный фактор, хотя и глубоко подкрепленный объективными обстоятельствами, позволил в очередной раз нашему поколению присутствовать при восходе партнерства.

Контртерроризм и действия мирового сообщества. Я уже говорил, что терроризм – это фактор системный и бороться с ним надо абсолютно системно.

Сегодня я наблюдаю во многих странах мира и во многих международных организациях всплеск бюрократической активности. Это, к сожалению, наш привычный ответ на события, требующие совместных действий и срочного вмешательства. Уже прошел скоро год после чудовищных терактов, а конкретных действий еще очень и очень мало. Зато много конференций, много симпозиумов, создаются уже организации по координации действий существующих международных институтов, которые, впрочем, еще мало, что сделали в реальном противодействии терроризму.

Судьба же антитеррористической коалиции, ее прочность, будет зависеть от того, какой будет избрана следующая цель антитеррористической активности Соединенных Штатов Америки, насколько обоснованным будет этот выбор.

В результате 11 сентября, несомненно, поставлена под сомнение действенность и девальвирована роль существующих военных союзов. Вы, наверное, догадываетесь, что я намекаю на НАТО, и я не буду продолжать эту тему.

В тоже время, развитие событий после 11 сентября поставило под сомнение возможность Соединенных Штатов единолично, без взаимодействия с союзниками и с другими членами международного сообщества устанавливать свой порядок в современном мире.

Остальной мир, который находится как бы за рамками этой бурной бюрократической активности, безмолвствует, а его определенная часть тихо «кует свое оружие», включая и ядерное, как это делают Пакистан, Индия. И не только они.

Сейчас происходит становление нового мира, но на пути этого становления мы, по-прежнему, продолжаем заниматься выполнением «домашнего задания» холодной войны. По-прежнему «мусолятся» все эти формулы холодной войны, ядерные потенциалы России и Запада по-прежнему нацелены друг на друга, а процесс дальнейшего контроля над вооружениями идет по-прежнему крайне вяло.

Наше политическое сознание опять намного обогнало существующие реалии. Разрыв это существенен и очень опасен. Мы героически решаем проблемы вчерашнего дня, а жизнь, с ее новыми вызовами и угрозами движется вперед. И мы не готовы к такому развитию событий. Радует хотя бы то, что мы, так и не повернувшись лицом к реальным угрозам, начали, хотя бы, о них говорить.

Отношения России и Запада находятся сейчас в переходном периоде. Но этот переходный период абсолютно не кодифицирован, отсутствуют правила перехода.

Нестабильны и крайне подвержены внешним воздействиям политические настроения внутри России.

В этих условиях сохранение и поддержание партнерства с Западом является серьезным стабилизирующим фактором, оказывающим позитивное воздействие и на внутреннюю жизнь нашей страны, на ее внутреннюю политику.

Исходя из этого, я, по-прежнему, считаю важным подписание широкого, большого рамочного договора между Россией и Соединенными Штатами – о принципах отношений между нашими странами. Нам необходимо определить правила перехода через пропасть, которая отделяет холодную войну и «партнерское» будущее. После многих разочарований новейшего периода наших отношений, совместно разрушенного партнерства периода 90-х годов, политическим элитам обеих стран необходима дополнительная уверенность в том, что другая сторона не свернет с избранного пути.

Это крайне необходимо и для эффективной борьбы с терроризмом. Ведь ключом к успешности наших действий против терроризма является взаимодействие спецслужб. Но, будучи очень чувствительным, такое взаимодействие может приносить реальные плоды только в условиях укоренившегося партнерства и когда этот аспект деятельности находится в фокусе постоянного внимания первых лиц государства.

В целом, полагаю, что при наличии достаточной политической воли мы можем, наконец, в самое ближайшее время закончить затянувшийся период похорон холодной войны, который длится с конца 80-х годов.

Последнее замечание – о российско-балтийских отношениях. В новых политических условиях возникает, хотим того мы или нет, простой логический ряд. Россия и Запад, Россия и США сегодня провозгласили партнерство и пытаются реализовать его на практике. Есть хартия партнерства трех балтийских государств с Соединенными Штатами. Если все участники этого процесса серьезны в своих намерениях, то Россия и страны Балтии также «обречены» стать партнерами. И из этого я просил бы исходить политиков – как российских, так и балтийских.